

Елена
Арсеньева

РУССКАЯ КРАСАВИЦА

Страстная —
опасная

Елена Арсеньевна Арсеньева
Страстная-опасная
Серия «Русская красавица»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=298542

Страстная-опасная: Эксмо; М.; 2018

ISBN 978-5-04-095212-0

Аннотация

Страстно любил красавицу Ульяну разбойник Ганька Искра. На пути к своей заветной мечте он готов был убивать направо и налево, но каждый раз останавливался, сраженный взглядом прекрасных глаз. Да и чем не жена для него Ульяша – выросшая в господском доме и удочеренная барыней крестьянская девочка! Да только сама она выбрала себе в возлюбленные молодого помещика Анатолия Славина, так что противник у Ганьки серьезный. И, наверное, разрешить их соперничество может только смерть...

Ранее книга выходила под названием «Одна любовь на двоих».

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	21
Глава третья	34
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Елена Арсеньевна Арсеньева Страстная-опасная

© Арсеньева Е.А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

*Черемуха цветет – милого ведет.
Пока цвет не облетел, про любовь ему поведай,
Опоздаешь – потеряешь, торопись, краса-
девица!*

Старинная песня

* * *

– Утопленница! Барин, водами утопленницу принесло,
народ смотреть побежал!

Вот так бывает – вроде бы закричал всего лишь дворовый мальчишка, а на самом деле прозвучал глас судьбы. И хоть все при этом встrepенулись и ужаснулись, никто даже не заподозрил, какие невероятные перемены в судьбе каж-

дого влечет за собой это пугающее известие...

Глава первая

Собиралась гроза. По-хорошему наступить должны были черемуховые холода, ибо многие деревья покрылись уже белыми кистями и то оттуда, то отсюда наплывали сладкие душистые облака, но было невыносимо жарко уж который день. В воздухе не шелестнет, в небе мутно. Маревое, вязкое, тяжелое, опускалось на землю. Собаки заползли в тень и лежали точно мертвые. Наседка вырыла ямку под крыльцом, загнала туда цыплят и уселась над ними, изредка тревожно квохча.

В доме все окна были настежь, но занавеси висели не колыхнувшись.

Два молодых – не более двадцати пяти лет, они были ровесники – человека в простых легких рубашках с распахнутыми воротниками сидели на веранде. Перед каждым стояла на столе миска с простоквашей, принесенной с ледника, да еще кувшин с квасом, доставленный оттуда же. Ничего иного в такую погоду просто в рот не лезло, да и это глоталось через силу. Даже говорилось с трудом!

– Охота быть рыбою, – наконец обронил словцо один из молодых людей – стройный, гибкий, длинноногий. У него было спокойное, приветливое лицо с правильными чертами, длинными подвижными бровями, открытым взором и четким насмешливым ртом. Густые волосы пепельного цвета гармонично обрамляли это лицо, и весь облик молодого че-

ловека вызывал приязнь и желание продолжить общение с ним. – Охота быть рыбою и сидеть в пруду, к тому ж под бережком, где тень падает.

Однако ж собеседник не посчитал нужным ответить. Раздражение мелькнуло на этом лице, которое было полной противоположностью лицу первого молодого человека: сей был жгучий брюнет с большими черными глазами с приспущенными внешними уголками, что придавало ему томное выражение, и крупным ярким ртом. Пожалуй, он напоминал итальянца – того типического облика, который предпочитают художники, но который вовсе не является типическим для всех итальянцев. А впрочем, господь с ними, с художниками, да и с потомками римлян тож – вовсе не они являются предметом нашего повествования.

– Сено на дальних лугах так и лежит, волокушею разобранное, – внезапно заговорил «итальянец» капризным голосом, как если бы речь шла не о хозяйственных заботах, а о несвоевременной доставке галстухов в модную лавку. – Ох, прибавится в конюшне забот!

– В конюшне? – недоуменно повел своими выразительными бровями его собеседник. – Боишься, корму лошадям на зиму не хватит? Да вряд ли, cousin Петр Иванович, видел я, сколько сена в хранилища свезено...

– На конюшне у меня в Перепечине дерут виновных, – перебил брюнет. – Так и при бабушке велось, так и при мне ведется. Неужто у вас в Славине по-иному, а, cousin Анато-

лий Дмитриевич?

Стоит здесь упомянуть, что, хоть оба собеседника и называли друг друга кузенами, качество их родства было несколько иное. Петр Иванович, несмотря на молодые года, приходился Анатолию Дмитриевичу дядею. Впрочем, родство никакой приязни между ними не обеспечивало, чему имелись очень веские причины, которые будут вскрыты впоследствии. Пока же скажем лишь, что Анатолий пожал плечами и усмехнулся, словно речь шла о само собой разумеющемся:

– Да уж по-иному, это вы верно подметили!

– Оттого вы и не заделаетесь истинными богачами, – проговорил Петр с тем самодовольством в голосе, кое позволяло догадаться, что он-то как раз и полагает себя самым что ни на есть истинным богачом. Ну что ж, к тому имелись у него все основания, ибо Перепечино, недавно перешедшее к нему после смерти отца, вполне можно было назвать скатертью-самобранкою. Сама по себе барская усадьба была невелика, однако полторы тысячи крестьянских душ и множество земель, окаймленных лесами и рощами, земель плодороднейших и щедрых, могли доставить уверенность не только в завтрашнем, но и в послезавтрашнем дне любому самому привередливому человеку.

Петр хотел еще продолжить что-то нравоучительное, но не успел: вдали глухо гроыхнуло, и духота сгустилась еще более, хотя это казалось невозможным.

– А может, стороной пройдет? – предположил он, погля-

дев во все еще безоблачное небо.

И тут нанесло внезапным, резким порывом, нет, воистину шквалом ветра. Он разметал, взъерошил макушки черемух и берез, окружавших дом, взметнул занавеси в окнах, где-то хлопнуло сильно створкой, и в ту же минуту заметались по дому горничные – видно было, как они спешно затворяют окна.

– Раззявы, – сердито пробурчал Петр. – Прежде не могли позаботиться?! Коли хоть одно стекло разобьется, не поми-
лую!

Анатолий шевельнул бровями недоуменно: да мыслимо ли было закрывать окна в ту духотищу, которая царила только что? Впрочем, он знал причудливый нрав своего родственника, а оттого оставил его нелепую реплику безответной.

Тем временем ветер мигом нагнал на небо серые облака; они домчались до солнца, заслонили его, и первые крупные капли дождя ударились в землю, взвинчивая фонтанчики пыли и сбивая с черемух белые лепестки.

Облака стали почти черными.

Перепуганная наседка вдруг зашлась, кудахча. Дождь хлынул с такой силой, что из-под крыльца и не высунуться, и эта глупыха, видать, только теперь додумалась своим куцом, воистину куриным умишком, что ее цыплят в миг зальет водой в той ямине, которую она для них так заботливо отрыла.

– Лушка! – вскричал Петр. – Забери цыплят! Коли хоть

один сдохнет, плотникам на забаву тебя отдам, отдерут так, что бревном лежать будешь!

Выбежала девка с длинной рыжей косой, босая, в одной посконной рубахе. В руках у нее было решето. Дождь мигом облепил рубахой ее тело, а там было что облепить, ей же ей!

– Ух ты! – восхищенно сказал Анатолий, улыбаясь. – Хорошая девка!

– Толстомясая больно, – с ужимкой деланого пренебрежения проговорил Петр. – Зато есть где крепко лапнуть. И шибко стараться не нужно – чуть мигни, она уж на спину валится. Хорошая, верно ты сказал. Хорошая баловница!

Лушка, выставив задницу, которая могла ввести во грех любого постника, нагнулась над незадачливой курушкой, ловко посадила ее в решето, одного за другим сунула туда же цыплят и, сверкнув на молодых господ бойкими карими глазами, побежала за угол дома, к черному ходу. Сильные ноги ее крепко впечатывались в лужи, поднимая тучи брызг, грудь была столь упруга, что не тряслась, а лишь слегка волновалась.

– Ну и ну... – протянул Анатолий. – Так, говоришь, баловница?

– Еще какая, – кивнул Петр, и лицо его вмиг сделалось враз добродушным и хитрым, как если бы его увлекло желание сделать гостю приятное, и в то же время он думал, как из этого извлечь елико возможно больше выгоды для себя. – А что? Тесно стало в штанах? Могу одолжить девку-то. Хоть

нынче ночью, хоть назавтра, как пожелаешь.

Анатолий, видимо, уловил алчные нотки в голосе Петра, и румянец внезапного желанья пропал с его щек.

– Там поглядим, – сказал он уклончиво.

А гроза меж тем нарастала. Минуло уже более получаса ее свирепства, однако она и не думала стихать. Молнии сверкали одна за другой, гром гремел не переставая, дождь шел так, что расхожее выражение «лил стеной» вовсе не казалось преувеличенным. Чудилось, небеса жаждут отдать земле всю воду, которая в них скопилась, не заботясь о том, готова ли та принять столь щедрые и безудержные возлияния. Видно было, что местами она захлебывается...

В потемнелом небе стали появляться странные вспышки, непохожие на обычные огненные стрелы.

– Шаровые молнии, – сказал Анатолий, глядя вверх. – Пойдем-ка в дом, да вели последить, не осталось ли окна незатворенного.

– А ты что тут хозяйничаешь?! – заносчиво глянул на него Петр. – Только утром приехал, а уже начал порядки свои наводить! Больно споро расхозяйничался! Знай, вряд ли чего добьешься, батюшка по закону жил, умер и дела мне свои по закону сдал!

– И в мыслях не было хозяйничать, – спокойно проговорил Анатолий, оставляя прочие слова Петра без внимания. – Но ты, видно, знать не знаешь, что такое шаровая молния, а я знаю. Нас с нянькою в Славине чуть не убило, когда мне

еще пять лет было. Влетел огненный шар в окно – и ну перед нами мелькать... Я это на всю жизнь запомнил, сам больше испытывать не хочу и врагу не пожелаю.

– Ага, – с нервическим торжеством вскричал Петр, – знаю, что ты видишь во мне врага!

Брови Анатолия недоуменно разлетелись.

– Да с чего ты взял... – начал было он, однако его прервало явление странного персонажа.

Это была женщина в черной юбке, подоткнутой высоко над голыми высохшими ногами. Только по ним можно было определить ее далеко не молодой возраст: лица видно не было. Она шла босая, однако голова и плечи ее были покрыты толстой ряднушкой. Впрочем, более всего она силилась защитить не себя, а икону Николая Чудотворца и свечу, которые несла перед собой.

– Мать честная, – изумился Анатолий. – Что ж за явление такое? Неужто Ефимьевна?

– Она, – кивнул Петр с брезгливым выражением. – Дура старая. Вечно, как гроза грянет, так она устраивает тут свои представления: все ворота, двери и окна закрещивает, чтобы беса не принесло.

– Да за что ж ты сердишься? – засмеялся Анатолий. – Весьма похвальное усердие!

– Да осточертела эта глупость деревенская! – вздохнул Петр, берясь за виски. – Никакими порками не выбьешь! – И закричал повелительно: – Ефимьевна! Пошла вон!

Раскат грома заглушил его крик, а впрочем, Ефимьевна все ж остановилась, хотя и не оттого, что повиновалась приказу барина. Прямо перед нею в калитку проскочил дворовый мальчишка в длинной рубахе до колен и без портков и прокричал истошно, глядя на террасу, где сидели молодые господа:

– Утопленница! Барин, водами утопленницу принесло, народ смотреть побежал!

Вот так бывает – вроде бы закричал всего лишь дворовый мальчишка, а на самом деле прозвучал глас судьбы. И хоть все при этом встrepенулись и ужаснулись, никто даже не заподозрил, какие невероятные перемены в судьбе каждого влечет за собой это пугающее известие...

Анатолий и Петр разом поднялись, обуреваемые тем тревожным любопытством, которое всегда вызывается известием о трагической смерти, ну а Ефимьевна от неожиданности уронила в грязь и свечку, и икону. Свечка мигом погасла. Ефимьевна несколько мгновений смотрела на все остановившимся взором, а потом вдруг завопила дико, очерчивая рукой калитку, которую не успела закрестить:

– Бесы! Бесы чрез врата сии грядут!

Анатолий покачал головой и подумал: «Что за невыносимое место это Перепечино! Кабы не воля матушки с батюшкой, и минуты бы меня тут не было, давно бы ноги унес!»

– Ну что, пойдём и мы посмотрим, что там случилось? – спросил он лениво, на что Петр пожал плечами:

– Больно надо ноги бить! Доставят мужики на барский двор эту утопленницу, можешь не сомневаться.

И, как показали события ближайшего часа, он оказался прав.

* * *

Утром того же дня (чтобы были понятны дальнейшие события, оглянемся несколько назад) из ворот имения, бывшего в десяти верстах от Перепечина и называемого Щеглы, выехала легонькая двуколка, запряженная соловой¹ кобылкой, и скоро помчалась по лесной дороге. Название имению дано было не попусту. Исстари водилось в светлых рощах и по опушкам лесов этих птиц несчетно, для крестьян это был весьма доходный промысел – ловить ярких пернатых певцов и продавать на ярмарках. Ну а человеку, добыванием насущного хлеба не озабоченному, доставляло истинный восторг слушать звонкие щегловые трели.

Однако этим утром не раздавалось ни звука, ни трели.

– Что ж это птиц ни одной не слышать? – спросила девушка, сидевшая в двуколке рядом с кучером. – С детства помню, как округа звенела: «пить-пили-пить», «пить-

¹ *Соловая масть* – когда корпус лошади желтоватой окраски, а ее хвост и грива светлые.

пили-пить»!

– Гроза будет, – неприветливо буркнул кучер, подергивая вожжами. – Голову ломит – спасу нет. Мне бы полежать в холодке...

Он умолк, окончание фразы повисло в воздухе, однако не догадаться о смысле этого молчания было затруднительно: «А тут ехать заставили!»

Девушка покосилась на него. Кучер, небритый мужик в рубахе распояскою, имел обличье звероватое не только из-за раскосмаченных волос, но и из-за мрачного выражения заросшего лица. Можно было подумать, что он не легонькой двуколкой правит, а в одиночку несет тяжеленное суковатое бревно, из коего, как ему известно доподлинно, будет вытесан его собственный гроб.

Эта мысль пришла в голову девушке, и она с трудом удержалась, чтобы не расхохотаться. Однако веселье свое проглотила, опасаясь обидеть и без того угрюмого человека.

– Ты уж не гневайся, Ерофей, что тебя со мной отправили, – сказала она примирительно. – Если бы я знала дорогу, то сама и с двуколкой, и с Волжанкой управилась бы. Мне не привыкать, в нашем Чудинове я всегда и всюду сама ездила!

– В нашем... – повторил кучер. – В нашем, вот, значит, как...

И снова он умолк, однако эхо ехидства так и реяло в воздухе, и, конечно, девушка не могла его не уловить. Лицо ее вспыхнуло так, что даже высокий лоб, окаймленный мел-

кими, круто выющимися каштановыми кудряшками, покраснел. Она нервно перекинула за спину недлинную, но толстую косу, распущенный конец которой плотно завивался такими же кудряшками и не нуждался в лентах, но ничего не сказала. Ей не хотелось пререкаться с Ерофеем.

«Лучше бы я одна поехала, – подумала она невесело. – Ну, разузнала бы дорогу, выпросила бы, а потом и вспомнила бы, глядишь, места... однако нет же, пристала нянька: «Не пушу да не пушу одну, заблудишься, с лошадыю не справишься, понесет Волжанка – что делать станешь?» Да разве Волжанка понесет? Она смиренная, тихая, не то что этот... Что это Ерофей разворчался? Небось с перепоею неможется, ох как перегаром от него несет... Нет, не стану отвечать, с пьяным да похмельным спорить – не наспоришься!»

– Да, видно, ты прав – гроза будет, – миролюбиво сказала она, намеренно уводя разговор в сторону. – Ни порыва ветерка, такая духота, и чем дальше, тем хуже. А солнце-то как палит! Что ж это я без косынки, и няня не напомнила...

Однако остановить разворчавшегося кучера было уже невозможно.

– А ты, Уляшка, уже такой барыней заделалась, что сама даже косынки взять не в силах? – тут же подпустил он новую порцию ехидства. – Быстро же забылась, что ты такое есть! Быстро же на вершины взорлила! Однако помни: чем выше лезешь, тем больней падать.

– Я ничуть даже не забылась, Ерофей, – сдержанно отве-

тила девушка, которую и в самом деле звали Ульяной, а чаще Уленькой или Уляшей. Ее снова так и бросило в краску, на сей раз не от смущения, а от обиды. – Что это ты ко мне цепляешься? Мы с тобой куда едем? А? Разве это значит, что я забылась?!

– Едем, ну и что? – не унимался Ерофей. – Толку-то с той поездки? Небось даже с двуколки не сойдешь. Глянешь свысока, нос зажмешь да прогундосишь: «Фи, вонища, вези меня назад, в благоухания барские!»

– Да ты актер, Ерофей! – невольно засмеялась Уляша. – Тебе бы на театрах представлять. Слышала я, какой-то барин в этих местах держал труппу.

– Да, Перепечин держал, но он помер недавно! – Кучер, не выпуская вожжей, попытался перекреститься, отчего лошадь Волжанка шарахнулась в одну сторону, а двуколку занесло в другую. – А ну, тихо, шалава драная! – заорал он так, что Уляша вскрикнула:

– Тише, Ерофей, не пугай лошадь!

– Лошадь тебе жалко?! – обратил он к девушке налитые кровью глаза, и Уляна отпрянула, вжалась в бок сиденья. – Лошадь, значит, жалко, а меня?!

– Тебя? – удивилась девушка.

– Меня! – рявкнул кучер. – Хозяйкой себя почуяла? Уже думаешь, кого кому распродашь из дворни? Меня, значит, в Перепечино определила? Сынок-то почище батюшки душегуб уродился! Короток на расправу, да и все вы, выкормыши

господские, одинаковы!

– Что ты городишь, не пойму! – вспыхнула Ульяша. – Куда я кого распродавать задумала? Я в Щеглах не хозяйка, а была бы, так...

Она хотела сказать: «А была бы хозяйкою, так вовеки не стала бы своих людей продавать!» – но не успела.

– Что? – взревел кучер, видимо, вовсе лишившись рассудка. – Была бы, так меня продавала бы первого? Ну так не бывать этому! И хозяйкой тебе не бывать!

Он схватил кнут, доселе лежавший рядом с ним без употребления, и, привстав, так вытянул лошадь, что бедная издала короткое отчаянное ржание и рванула в стремительный скак. Случилось так, что произошло это как раз в то мгновение, когда двуколка переваливала через ухаб. От сильного толчка легонькое двухколесное сооружение подскочило так, что Ульяша не удержалась на сиденье и вылетела из повозки. Упала наземь и осталась лежать недвижима.

Кучер какое-то время мотался туда-сюда, то садясь, то вставая, пытаясь справиться с лошадыю. Не скоро, но все же ему это удалось. Он погнал взмыленную Волжанку к тому месту, где ничком лежала девушка. Намотав вожжи на кулак, спешился и повернул носком ноги тело, кажущееся безжизненным.

– Нешто убилась? – пробормотал испуганно, но тут же уловил легкий вздох и трепет ресниц – Ульяша была без чувств, но уже приходила в себя.

Ерофей смотрел, как подрагивают губы, копится солнце в дорогой сереге, украсившей маленькое ухо, неровно вздымается нежная грудь, видная в вырезе легкого барежевого платья.

– Ишь, тряпки на ней какие богатые... Ишь, сама какая... – пробормотал он хрипло, вдруг теряя власть над собой, и, присев на корточки, грубо потащил вверх платье, обнажая ноги девушки.

Она очнулась от прикосновения этих похотливых рук, увидела над собой налитые кровью глаза и, толкнув Ерофея, в ужасе закричала так, что еще не вполне успокоившаяся Волжанка вновь обезумела и рванулась с места. Ерофея отбросило от девушки и поволокло по дороге.

Ульяша даже не поняла, что случилось. Вот сейчас над ней нависала жуткая образаина – и тут же исчезла. Она помнила, как руки ее с силой толкнулись в потную Ерофееву грудь, и вот он отлетел в сторону. Девушка вскочила и кинулась куда глаза глядят. А впрочем, она ничего не видела, не разбирала дороги. Волжанка металась, порой поворачивая к Ульяше, и тогда бегущей становились слышны вопли Ерофея, который никак не мог распутать вожжи, сковывающие его руки.

– Стой, проклятая! – кричал он лошади, а Ульяше казалось, что эти крики адресованы ей.

И она бежала еще скорей и даже не заметила, как оказалась на высоком берегу реки. Спихватилась слишком позд-

но... взмахнула было руками, пытаясь поймать равновесие, но земля вдруг осыпалась под ногами, и Уляша поползла с обрыва вместе с ее комьями. Сперва медленное, падение это все ускорялось, и наконец, так и не успев схватиться ни за один из будыльев, которыми был утыкан обрыв (да и вряд ли они оказались бы спасительным якорем!), Уляша рухнула в реку. Здесь сразу от берега шла полоса глубокой воды и быстрого течения, так что девушка вмиг стала его поживой. Ее вынесло на стремнину и повлекло вперед.

Мальчишка, удивший рыбу на излучине, увидел, как Уляшу тащило течением, как несколько раз то показывалась, то исчезала ее голова, и вот девушку затянуло под коряжину.

Ахнув, он, позабыв про удочки, кинулся вверх по круче, а потом через поля напрямиком в Щеглы.

Глава вторая

Дождь уже стих, и солнце пригревало ожившую землю, когда перед барскими воротами почтительно замерли несколько человек. Они держали на руках нечто, завернутое в большой бараний тулуп.

– Эка! – засмеялся Петр. – Бойтесь, что утопая замерзнет, что ли? Да ей уж все равно небось.

– Не прогневайтесь, барин, да только живая она, – с поклоном сказал молодой русоволосый мужик. – Живая! Нахлебалась воды, оттого сознание-то из головы и ушло, как обмерла. Спасло ее то, что за коряжину уцепилась. И доста-ло ж ума – прежде чем памяти лишиться, она привязала себя к коряжине пояском!

Ношу осторожно положили, тулуп развернули, и взорам предстало тонкое девичье тело, облепленное рваным платьишком.

– Одета не крестьянкою, – задумчиво проговорил Петр. – А серьги-то! Неужто чистые брильянты?! Чья ж такая? Из какого имения? Кто у нас вверх по течению?

– Щеглы, – подал голос тот же мужик. – А более ничего.

– Да в Щеглах же не живет никто, только старый барин наезжает порой из Чудинова, – размышлял вслух Петр, продолжая мерить взглядом лежащее перед ним стройное тело.

Анатолий, стоявший рядом, перехватил этот взгляд и

усмехнулся, уловив в нем откровенную похоть. Впрочем, он не осуждал Петра. Незнакомка была в самом деле недурна, несмотря на мертвенную бледность лица, слипшиеся волосы и рваную одежду, а Перепечины унаследовали от своих предков неумные страсти. Анатолий прекрасно знал, что в похоти никто из них удержу не ведает, в том числе и он сам. Однако он был твердо убежден, что тем человек от животного и отличается, что всегда может свои желания окоротить, хотя бы для того, чтобы в глазах окружающих сохранить лицо. Петр, впрочем, менее всего об этом заботился, полагая, что окружающие его крестьяне и дворяне должны принимать своего господина исключительно восторженно и всякий взгляд его, слово или поступок одобрять. На мнение же «кузена» ему было совершенно наплевать, это Анатолий прекрасно знал. Однако это его не раздражало, а скорее забавляло.

На террасе послышались быстрые шаги, потом они протараторили по ступенькам, и в круг стоящих вбежала молодая женщина с милым испуганным лицом. Несмотря на барскую одежду, в ней было что-то неуловимо простонародное, она смотрелась переодетой крестьянкою, а впрочем, это ее ничуть не портило.

При виде ее Анатолий улыбнулся. Это было единственное лицо в Перепечине, на которое он смотрел с удовольствием. Еще одна его «кузина», а на самом деле – тетушка. Фенечка, Феофания, сестра Петра, годом его старше. Болезненная, меланхоличная, замкнутая, готовая в любое мгновение рас-

плакаться, она преображалась, когда кому-то требовалась ее забота. Вот как сейчас.

– Что же вы стоите, люди добрые? – воскликнула она, точно птичка потревоженно зачирикала. – Надобно несчастную обогреть, привести в чувство. Братец Петр Иванович, сделайте милость, умоляю вас, распорядитесь вашим великодушием нести сию девицу в дом.

Анатолий подумал, что Петр крепко вышколил старшую сестру. Знает Фенечка свое место! Она всего лишь приживалка при брате, засидевшаяся в девках, перестарок, как презрительно говорят деревенские. Анатолий большую часть времени жил в Москве, лишь изредка навещая родителей, оттого до него доходили только слабые слухи о каком-то Фенечкином женихе, то ли погибшем, то ли сбежавшем почти из-под венца, о ее болезни... Марья Ивановна, мать Анатолия, своего младшего брата ненавидела, оттого редко говорила и о нем, и обо всем, что происходило в его доме. Да и Анатолия она вовеки бы не отправила в Перепечино, кабы не случившаяся недавно смерть старого барина, ее отца и его деда, так нелепо и несправедливо распорядившегося своим имуществом исключительно в пользу младшего сына...

– Вот еще что выдумали! – послышался недовольный, брюзгливый голос, и из-за Фенечкиной спины выдвинулась фигура высокой немолодой женщины, одетой во все черное. Это была та самая Ефимьевна, которая закрепляла дом от грозы. Сейчас, в сухом, опрятном, хотя и мрачноватом пла-

тье и в чепце, она выглядела не в пример авантажнее, как и подобало барской ключнице, обязанности которой она исполняла с тех пор, как перестала быть нянькою при подростковой Фенечке. – В дом невесть кого тащить! Может, она каторжанка беглая, очухается – да и прирежет тут всех спящих!

Крестьяне попятились от лежащей, у Фенечки сделалось испуганное лицо, а Анатолий усмехнулся:

– Ты, Ефимьевна, на ее платье посмотри. Конечно, оно мокрое, рваное, однако на арестантские лохмотья мало похоже. Не ряднинка домотканая – такие платья московские портнихи для привередливых барынь шьют, а те за сие немалые деньги платят. А серьги какие! От изысканного ювелира!

– Да мало ли кого она обчистила, эта побродяжка, – не унималась Ефимьевна, – в наших-то краях ни барынь московских, ни портних, ни этих... вилиров... не водится! Вот помяните мое слово! Возьмете ее в дом – беды не оберетесь, недаром весть о ней в ворота незакрещенные проникла, да и принесли ее в те же ворота.

– Ефимьевна, вечно ты со своими байками! – воскликнула Фенечка чуть не плача. – Братец Петр Иванович, да что же вы молчите?

– Ефимьевна, нишкни, – подал голос Петр. – В самом деле, молотишь языком невесть что. Приготовь постель в угольной комнате. А вы, мужики, несите туда сию «утопленницу», – хохотнул он. – Что проку гадать, кто она? Придет в

себе – сама про себя все скажет.

Девушку подняли, понесли.

– Я приготовлю постель, я помогу, – ринулась было вслед Фенечка, однако Петр сурово на нее глянул:

– Не суетись! Что за замашки у тебя! Никак приличной повадки не усвоишь, ведешь себя как сенная девка! Дворни дармоедской полон дом, небось есть кому работать.

Фенечка увяла, словно цветок, задетый грубою рукою, и Анатолию стало ее жаль.

– Ничего, Фенечка, твоя добрая натура и так всем известна, – сказал он ласково. – Как же я рад тебя видеть, как же рад, что ты поздоровела, зарумянилась!

Фенечка улыбнулась. Улыбка у нее была расчудесная! Большие тоскливые глаза стали лучистыми, лицо преобразилось, засияло.

– Спасибо, Анатолий Дмитриевич, – сказала она глубоким нежным голосом, так непохожим на тот тревожный, нервный вскрик, который прорывался в ее речи прежде. – Я тоже рада видеть тебя. Редко ты у нас гостишь, зато гость ты всегда дорогой и желанный.

– Ах ты Боже ты мой! – насмешливо воскликнул Петр. – Какие нежности пошли! Ты будь осторожен, кузен, Фенька – душа простая, прилипчивая, как привяжется – так и не отвяжется. Будешь ноги уносить – она вслед поплетется, а прогонишь ее, воротится – и тоской своей тут, в Перепечине, всех задавит. Бывало-живало, знаем! А ты смотри, – повернулся

он к сестре, – держи себя. Не распускай. Еще одного Огненного Змея наша крыша не выдержит, прогорит!

Лицо Фенечки сморщилось, стало жалким, неприглядным... куда девалось только что освещавшее его сиянье красоты! Слияла живость, остались только тоска да обида. Горько всхлипнув, она повернулась и убежала в дом.

– Да что ж ты с ней так жестоко? – не выдержал Анатолий.

– А ты погоди попрекать, – неприветливо глянул Петр. – Ее поважать нельзя, не то раскиснет сама и все вокруг расквасит. Знал бы, каково в одном доме с умалишенной жить!

– Слышал я, что Фенечка нездорова была, но чтобы ума лишилась... – с ужасом покачал головой Анатолий. – Что же такое случилось?!

– Известное дело, всё мужчины, – усмехнулся Петр. – Был у нее кавалер, Бережной некто, отставной поручик. Подвизался он в Подольине, якобы кузен хозяйки. Ездил-ездил, помолвились с Фенечкой, батюшка наш уже льстился объявить дочь невестою, как вдруг Бережной будто в воду канул. Ни визита, ни привета, ни на наши послания ответа. Хозяйка Подольина о нем тоже не слышала – уехал да уехал, а куда, зачем, он не сказывал. Потом слух прошел, якобы отыскивали мертвеца в лесу... Конечно, за временем не поймешь, кто, однако вроде он, Бережной. До Феньки этот слух дошел – она и повредила с горя. Видеться он ей стал. Бывало, запрется в своей светелке да и хохочет там или переговаривается с кем-то. Ефимьевна стала следить – оказалось, якобы Фенька

с Бережным переговаривается, то есть мнится ей, будто он жив-здоров и к ней приходит любезничать. В деревне, говорит, со вдовами или солдатками такое случается, когда по мужу заскучают и в рассудке с тоски мешаются. Якобы это бес их искушает, является им в образе человеческого, родном, а на самом деле – Огненный змей, порожденье дьявола. Ну, попа позвали, отчитали Феньку. На страже вокруг дома караульщиков поставили, Ефимьевна по обыкновению закрестила все окна и печные трубы. Фенька билась, рыдала, да что... испугался бес! Испугался да исчез. Правда, Ефимьевна сказывала, он-де долго еще кидал свои письма с того света в трубу, но, само собой, они к Феньке не попадали, а сгорали в печи.

Анатолий посмотрел на Петра недоуменно. Он никак не мог понять, пошучивает ли «дядюшка» или говорит всерьез. Бес кидал письма в печную трубу?! Хотя разве можно говорить всерьез о таком мороке!

– Настрадалась тогда барышня, – слышался голос Ефимьевны, незаметно вернувшейся из комнат и подошедшей к господам. – Хоть и суждено ей за грех ее вечное несчастье, а все же жалко ее. Пристроить бы ее за хорошего человека... вот хотя бы за Анатолия Дмитриевича...

– И верно! – вскричал Петр, обернувшись к Анатолию. – Он человек хороший. Не желаешь ли Феньку в невесты?

– Да уж больно тесное наше родство, – пожал плечами Анатолий. – Фенечка мне тетушка, однако я всегда к ней от-

носился как к родной сестре.

– Ну, родство ваше все ж не кровное, – резко оборвал Петр. – Такие браки церковь не возбраняет. Только мигни – мы вас мигом повенчаем, а я за Фенькой хорошее приданое дам. Хочешь, получишь те побережные земли с лесами, о которых твоя матушка мечтала, когда замуж шла, из-за которых по сю пору успокоиться не может? Она ведь тебя за ними прислала, верно?

Анатолий только бровями повел безразлично, хотя Петр отчасти был прав. Анатолий не единожды слышал, что эти самые земли некогда были назначены в приданое его матери, но она их не получила, Дмитрий Славин взял ее почти бесприданницей, по большой любви и желая спасти от нечестного, распутного отца. Конечно, матушка хочет ими владеть, но не ценой женитьбы сына на Фенечке. Что ж думает о них, о Славиных, Петр, любопытно знать?! Неужели решил таким образом купить родственное расположение, которого всегда был лишен? Больше всего Анатолию хотелось бы сейчас высказаться Петру откровенно, однако он сдержался. Сейчас идти на открытый скандал никак нельзя. А пооткровенничав с Петром, останется только расплеваться с ним навеки. Но дело, ради коего он явился в Перепечино, еще не только не завершено, но даже и не начато.

Анатолий скрепился и даже нашел в себе силы улыбнуться примирительно:

– Жениться я покуда не намерен ни на каких условиях.

Я хотел бы жене верность хранить, но пока что не нахожу в себе сил справляться со многими соблазнами. Оттого холостая жизнь мне и не наскучила, что дает свободу для их удовлетворения.

– А, понимаю, на что намекаешь! – хохотнул Петр. – И слово свое помню. Пришлю, пришлю к тебе Лушку. Тебе нынче в боковушке постеляют, во втором ярусе. Там тихо, никто не потревожит. Намилуетесь вволю. Сам сейчас в людскую зайду, прикажу, чтоб ровно в полночь была там. Только ты знай, кузен, Лушка страсть как любит девицу из себя строить. Если начнет выеживаться да про невинность свою твердить, ты, главное, не теряйся.

Анатолий кивнул. Ему было неприятно иметь Петра своим конфидентом, но при этом молодая кровь гуляла, ударила в голову. Воздержанность была ему непривычна, всегда в родном имении было к его услугам несчитанное количество на все готовых девок, которые, надо или не надо, на словах выставляли себя скромницами, а в постели блудили со всей удалью ко всему привычных распутниц. Что делать, что делать, все мы люди, как говорят отцы священники, лишь от головы до пояса, а ниже... а ниже один сплошной грех!

Молодые люди расстались.

Однако ни в какую людскую Петр не пошел. Он направился в светелку, куда отнесли незнакомку, очнувшуюся утопленницу, и долго стоял, глядя на нее поверх головы хлоп-

тавшей над ней девки, а потом вышел в коридор и, поймав за рукав первого же пробежавшего мимо лакея, приказал звать к себе Семена Сидорыча.

– Кого-с? – почти с ужасом спросил лакей, мысленно перебирая всю дворню.

Никаких Семенов Сидорычей он не знал!

– Управляющего позови! – устало завел глаза Петр.

Лакей радостно ослабилсЯ:

– Чуму-сыромятника, что ль? Так бы и сказали, барин, сразу, а то, понимаешь, Семен Сидорыч... мне и невдомек!

В следующий миг он отлетел к стенке и схватился за щеку, горевшую от здоровецкой оплеухи.

– Какой тебе Чума-сыромятник? – гневно спросил Петр. – Забудь это прозвание! Называй его Семен Сидорычем, не то с тебя самого шкуру сдерут и мять станут еще сырую. И тебя звать станут Васька сыромятый, понял?

Устрашенный Васька вылетел вон, потирая опухшую щеку, и на крыльце столкнулся с Анатолием.

– Что это с тобой?! – изумился тот. – Никак на дверь налетел?

– Кабы на дверь... – всхлипнул Васька. – Барин пожаловал! А за что?! Пострадал я за правду!

– Это как же? – озадачился Анатолий.

Васька оглянулся, втягивая голову в плечи:

– Не, боюсь сказать...

Анатолия разобрало любопытство.

– Ну, пошли сюда, – он утянул Ваську с крыльца, повел вокруг дома: – Говори!

– Да, изволите ли видеть, назвал Семен Сидорыча, управляющего нашего, истинным его именем – Чума-сыромятник. А барин осерчал.

– Чума?! – изумился Анатолий. – Это что ж за имя такое? Крестили-то его как?

– Семеном крестили, но был он уже с детских годков сыромятником, так же как и отец его, и дед, ну и кликали его Сенькой-сыромятником. А четыре года назад, когда на скот чума нашла и немислимо сколько коровенок попередохло, Сенька намял сотню кож, да повез в Москву, да там с превеликим барышом продал. Никто ж не знал, что кожи с чумной скотины. С тех пор и прилипло к нему – Чума-сыромятник да Чума-сыромятник.

– Как же так? – озадачился Анатолий. – Это ж для людей опасно! Как же барин позволил?

– Все с барского позволения и делалось, – вздохнул лакей. – С Петра Ивановичева. Старый-то барин и не ведали, сами больные лежали. И замысел барича был, и все барыши его были, Сеньке там кой-что досталось, однако барич большую часть к рукам прибрал.

– Эх, – с отвращением сказал Анатолий, подныривая под распахнутую раму какого-то окна, – коли кто уродился подлого происхождения, пусть и наполовину, никогда он благородным не станет, и единственное, что может порядочный

человек сделать, – это от такого подлого подальше держаться.

Лакей хмыкнул невесело, и Анатолий, который невольно высказал свои мысли вслух, спохватился, что он не один.

Ему стало неловко. Он ненавидел человеческое унижение, пусть даже и тех, кто стоял ниже его по происхождению и общественному положению, а тут, вольно или невольно, унизил этого дворового.

– Василий, ты меня не слушай, – сказал Анатолий смущенно. – Это я так, мысли вслух невзначай высказал. Они до тебя не касаемы.

Лакей снова ухмыльнулся, на сей раз поживей:

– Да, правду сказать, я и сам так же думаю, потому что эти бастардусы господские и корневищ своих стыдятся, и в то же время брата-крестьянина жмут покрепче иного барина. И в ближние люди по себе выбирают. Вон, лишь только старый барин преставились, Сенька мигом вичем² стал зваться, управляющим сделался. Теперь лютей его по всему Перепечину не сыщешь, да и ближе его человека у барина нет, вот разве что Ефимьевна. Они ради Петра Иваныча и зарежут, и убьют, и кому хочешь кровь по капле выпустят. И мечтами высоко, ох, как высоко возносятся! Страшно даже сказать!

– А я думал, Ефимьевна Фенечку... то есть Феофанию Ивановну пуще Петра любит, – проговорил Анатолий.

² То есть получил право зваться по имени-отчеству, что считалось особым отличием.

– Любить-то любит, да ведь Чума-сыромятник – сын ее, а кровь родная – всего ближе. Бедная наша барышня, – с тем брезгливым сочувствием, которое вызывают люди душевно нездоровые, проговорил Васька. – Жаль ее... всяк норовит обмануть, всяк норовит на ее беде сыграть. А она доверчивая, аки цыпленок... что ей ни скажи, всему верит.

Тут он замер, словно столб, и воскликнул:

– Да что же это я разгуливаю, молочу языком?! Меня же барин по Чуму-сыромятника послал, да спешно! Ох, не сносить мне головы!

И он с места чесанул во все лопатки, оставив Анатолия одного.

Глава третья

Тем временем, пока Васька, забыв обо всем на свете, откровенничал с Анатолием, Петр из комнаты, где лежала незнакомка, прошел в светелку сестры.

Та сидела за маленьким столиком, уронив голову на руки. Плечи ее вздрагивали, и привычный приступ раздражения овладел Петром. Он не любил сестру. Нет, не только потому, что вечно унылое лицо Фенечки и ее нескладная судьба злили его, ибо вынуждали заботиться о ней, а заботиться о ком-либо, кроме себя, ему было невыносимо. Главное, она была свидетельницей тех унижений, которые Петр переживал в детстве, когда Перепечин еще не женился на его матери.

Хоть после смерти своей жены Перепечин и жил открыто с ее бывшей горничной, все же он долго не венчался с ней, а детей их не называли байстрюками только немой да ленивый. Перепечин прекрасно понимал, что законный брак с горничной поставит крест на мечтах его дочери Марьи Ивановны сделать хорошую партию. Ему нужно было как можно скорей выдать ее замуж. Недостатка в женихах не было, но жадность и скупость отца, который при сговоре объявлял одно приданое, а через несколько дней уменьшал его размер чуть ли не вдвое, не обинуясь прежде данным словом, озадачивали женихов. Двое, которых равно привлекала и красота, ум, прелесть невесты, и ее приданое, уже взяли назад слово.

Дмитрий Славин был влюблен всех сильнее, и, хоть Марья не испытывала к нему ответной страсти, она все же согласилась выйти за него, только бы избавиться от отцовских унижений и картин того безудержного распутства, которые она наблюдала в родном доме.

Надежда, любовница Перепечина, Марью ненавидела и боялась и с этого страху держалась с ней как с лютым врагом, постоянно жалуясь любовнику на его дочь и придумывая многочисленные прегрешения, ею будто бы совершенные. Как правило, Марье приходилось расплачиваться за злобные шалости Петьки, Надеждина сына, прижитого ею от Перепечина. Дворня, впрочем, хоть и опасалась окончательного воцарения Надежды, этой безудержной лгуньи, которая крепко держала барские страсти промеж ног своих, на самом деле видела, кто прав, кто виноват. И не могла тайно не сочувствовать барышне. А Петька, который все затеи своей матери поддерживал и не уставал донимать Марью, вызывал всеобщую неприязнь своей противностью. Всяк норовил дать ему пинка, как бы невзначай, – и поскорей сбежать, опасаясь быть застигнутым. Сколько раз он являлся к матери и сестре с разбитым носом или в синяках вне себя от ненависти, но не знал, кого выставить своим мучителем! Он выл и катался по полу от неутоленной мстительности, а Фенечка, простая душа, его жалела. Петр же рос в сознании, что «слезы и сопли» только унижают его достоинство, так что сестра, вольно или невольно, казалась ему союзницей его гонителей. По-

взрослев и войдя в силу, усыновленный Перепечиным, Петр, пользуясь положением любимца отца, сводил счета не только с дворней, некогда его обижавшей (ох, у скольких была в те года на конюшне содрана плетьюми кожа со спины!), но и с жалостливой сестрой. Для него ножом острым была ее помолвка с Бережным... он даже не тщился скрывать радость от исчезновения жениха, которому пришлось бы отдать ту часть имения, которая была распоряжением отца определена в Фенечкино приданое. Но замуж девку все равно следовало выдать: этот вечно унылый, плачущий перестарок в доме начинал его раздражать. Кроме того, Фенечка всем своим видом взывала к его совести или к тому ее призраку, который бледно обитал в его душе. Сначала мать, потом отец, умирая, заклинали его позаботиться о сестре. И надо избавиться от нее поскорей, ведь в мыслях Петр видел жизнь свою совсем иной. Он хотел воскресить былую славу Перепечина как места развеселых удовольствий. Восстановить крепостной театр! Устраивать балы, на которые, как некогда на балы, устраиваемые отцом, не гнушались бы съезжаться и господа из уездного города! Вести игру, игру по-крупному! И не проигрывать, как случалось отцу, не единожды ставившему на кон и имущество, и своих крепостных, а только выигрывать! Богатеть, богатеть, идти ради этого на какие угодно махинации и жульничества!

Сестра мешала его планам. Он решил избавиться от сестры. Приезд Анатолия предоставлял для этого прекрасную

возможность.

Петр несколько мгновений помедлил, унимая бурю отвращения, взметнувшуюся в его душе, и надевая маску приятности. Он умел, когда хотел, быть столь же обольстительным, сколь и отвратительным, и даже жестоко обиженная им Фенечка попадалась на эту удочку тем более охотно, что ей страстно мечталось быть любимой братом, которого она хоть и побаивалась, но все же обожала, видя в нем свою единственную опору, надежду и защиту.

– Что, Петенька? – повернулась она с последним всхлипыванием – и даже руки к груди прижала, увидев ласковую улыбку брата.

– Не плачь, моя милая, – сказал он глубоким, в самую душу проникающим голосом, который непременно вызвал бы своей фальшивостью скрежет зубовой у всякого мало-мальски опытного человека. Однако простодушная Фенечка никакой фальши не чувствовала, и сердце ее рванулось к брату. Она протянула к нему руки, вскочила, Петр принял ее в объятия и погладил по волосам.

– Ты меня прости, я был таким злым нынче, – пробормотал он, с трудом удерживая раздражение, потому что ощущал: Фенечка снова заливается слезами, на сей раз – слезами счастья.

«Вот дурища! Как же ты мне надоела!» – подумал он, а вслух сказал:

– Я готов на все, чтобы свою вину загладить. Знаю, как ты

по Бережному сучаешь, как тоскуешь, как сердце рвешь...

Фенечка отстранилась от него и недоверчиво заглянула в глаза.

Полно, да Петр ли это говорит? Возможно ли такое? Брат запрещал даже упоминать о ее погибшем женихе, а тут...

Глаза брата сияли жарким сочувствием.

– Я знаю, как можно тебе доподлинно узнать, жив он или нет, – сказал Петр. – Знаю!

– Как? – трепеща спросила Фенечка.

– Нынче полночью, ни минутой раньше, а как начнут бить часы, ты пойдешь из своей комнаты на второй ярус, в боковушку, что за лестницей. Войдешь и ляжешь на постель, что там будет разобрана. Если она будет пуста, значит, Бережного поистине нет на этом свете. Если же там окажется кто-то, значит, твой жених жив! Жив, но не является к тебе по какой-то причине. Вот об этой причине ты его и спросишь. Он должен ответить! Если промолчит, все плохо, ты никогда его не увидишь. Если же он обнимет тебя, значит, ты найдешь свое счастье. Только смотри, Фенечка, не бейся, не кричи, не отталкивай его, не то потеряешь навеки!

Она изумленно уставилась на брата:

– Как же так? Но ведь это призрак его мне явится вновь! Тот самый Огненный змей, от которого вы с Ефимьевной меня ограждали! А теперь ты сам толкаешь меня в его объятия!

– То-то и оно, что это будет не призрак, а твой ангел-хранитель, – ласково пояснил Петр. – Не в силах он смотреть на

твои мучения, решил открыть тебе глаза: или ждать возвращения счастья прежнего, или покинуть все былые иллюзии и искать в жизни чего-то нового. Впрочем, смотри, сестра, если не решаешься, я тебя неволить не стану. Ночь вновь проведи в своей унылой келейке, – он неприязненно обвел рукой белены стены простенькой светелки, – да и жизнь свою тут проведи, увядая, засыхая в неведении, где он, что с ним, почему пропал...

– Нет, я пойду, – быстро, решительно сказала Фенечка. – Пойду, несмотря ни на что!

Она поверила брату безоговорочно, как верила ему всегда, во всякую минуту своей жизни. Даже если и зародилось у нее непомерное удивление, откуда-де Петру ведомо, что станется нынче в полночь такое загадочное явление в боковушке, даже если не могла она понять, каким образом Петр сделался конфидентом ее ангела-хранителя, она придушила свои вопросы прежде, чем они толком сложились в ее голове. Простая, незамысловатая, исстрадавшаяся душа Фенечки жила только надеждой... надежда питала ее жизнь... ну как она могла отказаться от нового всплеска надежды?!

Петр поцеловал сестру в лоб и вышел за дверь, торопливо сдергивая маску пылко-доброжелательства, покуда она не прилипла к его коже слишком прочно. И управляющий, спешивший к нему навстречу, увидел обычное лицо своего барина – недоброе, исполненное мрачной решимости взять у этой жизни все, что по праву положено, да и то, что никак

не положено, – тоже взять!

– Послушай, Семен, – сказал молодой Перепечин. – Возьми лошадь самую горячую да поезжай в Щеглы. Ничего не говори, но вызнай все что можешь. Понял меня?

– Чего ж тут не понять, – солидно сказал Семен, не задавая никаких лишних вопросов. Как и положено исправному управляющему, он был уже наслышан обо всех событиях, происшедших в имении, даже если при них и не присутствовал. – Все сделаю, барин, как велите.

И наклонился поцеловать руку у Петра, по опыту зная, что нет лучшего способа ему угодить.

И угодил!

* * *

Часы пробили одиннадцать, когда Ульяша очнулась. Она не знала, где находится, но мигом сообразила, что не дома: не в Чудинове и не в Щеглах. Звук часов был иной, более хриплый, а главное, в Чудинове пахло мятой и малиной, и этот запах встречал приезжих и в Щеглах, где хорошо знали о пристрастиях барыни. Здесь же Ульяша ощущала тяжелый дух непроветренных вещей, залежавшихся в сундуках. Как будто тленом наносило...

Только издалека долетел, словно дружеский привет, аромат цветущей черемухи.

«В Чудинове и Щеглах готовилась всюю распуститься че-

ремуха. Но где я?» – снова подумала Ульяша.

Осмотреться она не могла: черное небо приникало к окнам, ничего в двух шагах не видно.

Какой-то голос звучал у нее в ушах. Он что-то говорил... Ульяша не могла припомнить слов, однако смысл их был таким грубым, жестоким, оскорбительным... Страшнее оскорбить ее было нельзя, невозможно!

Чей это голос? Когда он звучал? Она не могла вспомнить. Ей стало страшно. Девушка вскочила, ощупала себя... вместо платья на ней холщовая рубаха – длинная, с длинными рукавами, довольно грубая, но хотя бы пахнувшая свежестью и гладкая. Наверное, ее недавно промыли и хорошенько прокатали вальком.

Почему-то от этого Уляше сделалось полегче.

Она пыталась вспомнить, что произошло. Встала перед глазами жуткая образина Ерофея... потом забурила река, в которую она свалилась, коряжина, больно ударившая ее в бок и оказавшаяся спасительной... «Наверное, – размышляла Уляша, – я лишилась чувств, меня несло течением, а потом вытащили из реки хорошие люди и принесли в дом. Но где я?!»

Судя по всему, это не крестьянская изба. До ее чутких ноздрей долетал запах табака – хорошего, дорогого, такой курил хозяин Чудинова. Пожалуй, это помещичий дом. Но чей именно?

В Щеглах она не была давно, больше десяти лет, все дет-

ские воспоминания почти сгладились. Но все же она помнила, что ниже по течению находилось то самое Перепечиное, куда она и держала путь сегодня утром. Страх перед этим местом жил в ней с детства... и ожил теперь.

Да, она стремилась сюда, но не в роли беспомощной жертвы хотела оказаться здесь, а в виде человека, равного хозяевам и готового вести с ними столь важные для нее переговоры. А как быть теперь? Где ее одежда? Ох, навряд ли что-то осталось от легонького платья после борьбы с рекой!

Что же делать? Положиться на волю обстоятельств, покориться им – или попытаться противиться? Может быть, сбежать? Темно – значит, ночь, дома ее, наверное, потеряли!

А может быть, они решили, что она нашла то, что искала, а потому решила заночевать в Перепечине? Или... или, не дай Бог, Ерофей воротился и сказал, что Ульяша упала в реку и потонула? Что же будет с матушкой? Что будет с нянькой?! Они ведь не переживут такого горя!

Послышался еще один удар часов, и Ульяша поняла, что миновало уже полчаса в бесплодных размышлениях.

Она спустила ноги с низкой, широкой кровати. Нужно немедленно отыскать хозяев этого дома. Немедленно! Нужно сказать им, кто она, нужно попросить послать человека в Щеглы, а еще лучше – попросить отправить ее домой. Она успокоит матушку и няньку, переоденется, а поутру вернется сюда, потому что это ее долг, об исполнении которого она мечтала больше десяти лет!

Она осторожно вышла из комнаты, брезгливо поджмась, когда босая нога наступала на мусор. Пол был выметен куда как плохо, вот в Щеглах или Чудинове идешь босиком по полу, а словно по столу обеденному ступаешь – ничто ножку не уколёт.

Кругом стояли тишина и темнота, как вдруг Уляше слышался тихий плач. Она осторожно пошла на голос и вскоре увидела очерк света за одной из дверей. Плакали там. Уляша приникла к щелке, повернулась так и этак – и увидела девушку в рубахе и ночной кофте, с заплетенной на ночь небольшой косой. Девушка смотрела на какой-то маленький портрет, изредка прижимала его к губам и всхлипывала:

– Неужели ты вернешься ко мне, милый мой? Неужели вернешься? Ах, скорей бы полночь!

Уляше стало необыкновенно жаль эту девушку. Девушка была влюблена, она изнемогала по своему возлюбленному! Сама Уляша еще не знала любви, хотя все ее подружки, барышни, жившие в окрестностях Чудинова, не единожды искололи свои сердечки о шипы этого прекрасного цветка. Некоторые из них уже были замужем, родили детишек и теперь строили планы выгодных партий для своих младенцев. А Уляша все еще пребывала в некоей духовной полудреме. Она доподлинно знала, что за нее дважды сватались – там, в Чудинове, – однако ее приемная мать (Уляша звала ее матушкой) и матушкин муж согласия не давали. Сердце ее ни к кому не лежало, а отдавать девушку лишь бы за кого Чу-

диновы не хотели, да и расставаться с ней не желали. Так же, впрочем, как и она с ними.

«Наверное, отдали бы, коли бы я по кому-то вот так же тосковала, как сия девица тоскует», – подумала Уляша.

Она отступила от двери и неслышно двинулась дальше. Потом спохватилась: да что же она не воспользовалась случаем, что же не спросила у незнакомой девушки, что это за место?! Решила было воротиться, да заблудилась в запутанных коридорах. Да тут еще лестница вдруг оказалась под ногами. Уляша безотчетно поднялась по ней, потом прошла через анфиладу комнат – и до того отчего-то устала, что еле передвигала ноги. Ее избитое волнами тело так и ломило.

«Вольно ж мне было ночью шарашиться, – подумала она сонно. – Неужели нельзя было утра дождаться? Нет, отправилась бродить... А ну как наткнусь на хозяев, ну как примут меня за воровку?! Надо, надо воротиться. Но куда идти?»

Пробило полночь, и вдруг Уляша вновь уловила промельк света. На сей раз это была не свеча, а луч лунный, пробившийся сквозь облака и заглянувший в окно. Дверь в ту комнату была приотворена, оттого Уляша и увидела этот луч. А еще она разглядела, что около стены стоит кровать.

Неужели она невзначай воротилась в ту же комнату, откуда пришла?! От усталости девушка позабыла, что поднялась на другой ярус, и, обрадовавшись близкому отдыху, поскорей прилегла на постель. Ветром нанесло сладкий черемуховый вздох, и Уляше стало спокойно и уютно. Она заснула

даже прежде, чем голова коснулась подушки.

Луна тем временем снова ушла за облака, и Ульяша не заметила, что в комнате она не одна. Высокий мужчина стоял у стены и настороженно наблюдал за ней. Он был полуодет. Увидев девушку в одной рубашке, белевшей в темноте, он довольно улыбнулся.

– Ишь, смелая какая! – пробормотал он, слыша, как скрипнула кровать, и понимая, что девушка легла. – Ну что ж, и мне робеть не к лицу.

Он двинулся вперед, находя дорогу ощупью. Наткнувшись на кровать, остановился и снял с себя остатки одежды. Сладко потянулся, расправляя мышцы, усмехнулся, ощутив, как поднимается, нарастает в нем возбуждение, – прилег рядом с ней... и разочарованно присвистнул, поняв, что она крепко спит.

Осторожно коснулся ее губ губами, нащупал кончиками пальцев ее соски под рубашкою, и они расцвели, как нежные цветы.

Он был совершенно поглощен той, что лежала рядом, и не заметил, как тихонько приотворилась дверь и в комнату вступила еще одна женская фигура.

* * *

Собаки взбрехнули тут и там, но лай не подняли, а настороженно примолкли: чужой, которого они почуяли, дальше

по деревенскому порядку не прошел, остановился у крайней избы. Стукнул по ставне.

Тихо.

Пришедший стукнул снова.

– Чего надо? – отозвался сонный мужской голос. – Кто тут шляется?

– Где Ганька? – спросил ночной гость. – Ганьку покличь мне.

– Ишь, какой барин! – проворчал хозяин. – Ганьку ему! Не знаю я никакого Ганьку.

– Знаешь, дядя Пантелей, – ухмыльнулся пришедший. – Кому знать, если не тебе? Скажи, где Ганька?

– На кой он тебе сдался? – зевнул хозяин. – Или пожар?

– Пожар не пожар, а дымок уже виден, – загадочно отозвался гость.

– Ну, коли так... – зевнул хозяин. – Дыма без огня не бывает, известное дело! Только вот что – Ганька не у нас ночует нынче. Ищи его у Дашки-солдатки. Знаешь, где она живет?

– Знать-то знаю, да идти мне по деревне не с руки, собаки избрешутся, а мне совсем не надобно, чтоб меня кто-то здесь ночью увидал. Поэтому тебе придется его искать. Сыщи и скажи: Ерофея убили.

– Ерофея?! – громко ахнул хозяин. – Царство небесное... Да кто ж его?!

– Кто-кто... – проворчал гость. – Неужто не знаешь? Баре наши, господа разлюбезные, кому ж еще? Нынче к нашему в

Перепечино еще один душегубец прибыл – молодой Славин. Вот они на пару и уходили бедолагу. Поймали его невесть где, привязали к лошади и пустили ту вскачь. А сами, значит, скакали рядом, лошадь нахлестывали да забавлялись! Ну и убили Ерофей о землю до смерти... Видел я его – живого места на нем нету.

– Да как же?! Да ведь Ерофей не наш теперь, не перепеченский. Он ведь щегловский! Небось господин Чудинов с них взыщет за свое добро!

– От Чудинова наши откупятся, баре промеж себя завсегда в ладу жить будут. А кто Ганьке братку вернет? Сперва разлучили их, семью разорили, а теперь загубили Ерошку... А нам, мученикам, как всегда – терпи. А мы отмстить не могли!

– Ганька отмстит! – уверенно сказал хозяин. – Ганька терпеть не станет! Он и так бешеный ходит, того и гляди кусаться начнет. А про Ерофея весть его и вовсе с цепи спустит!

– Того и надобно, – пробормотал гость себе под нос и ухмыльнулся.

– Чего ты там? – насторожился хозяин. – Что говоришь, я не расслышал?

– Говорю, спешить надобно! Народ собрать и идти на барскую усадьбу не поздней полудня! А то припрячут они концы в воду – не сыщешь потом. Зароют Ерофея где-нибудь в лесу – ищи-свищи!

– Сейчас же сбегаю за Ганькою, – засуетился хозяин. –

Живой ногой!

– Не мешкай, – посоветовал на прощание ночной гость и канул в темноту.

* * *

– Барин Петр Иванович, изволь пробудиться, – долетел из-за двери взволнованный голос.

Петр приоткрыл глаза:

– Ты, Ефимьевна? Чего ломишься?

– Дозволь взойти, – настойчиво сказала ключница.

– Ну входи, – зевнул Петр. – А ты пошла! – И небрежным шлепком, словно пригревшуюся кошку, согнал с постели спавшую у него под боком Лушку.

Та спросонья соскочила в чем мать родила, сонно потянулась, сонно огляделась...

– Прикрылась бы, бесстыжая, – ухмыльнулся Петр. – Чай, не один.

– Да велика беда, – безразлично сказала, входя, Ефимьевна, – не видала я голых девок, что ли, в твоей почивальне?! По мне, так хоть и по деревне пускай так ходят, не моя забота, не моя печаль. Вели девке вон идти, разговор есть.

– Брысь, Лушка, – снова велел Петр, словно кошке, и девушка, еще не вполне проснувшись, побрела вон, едва дав себе заботу подобрать с полу рубаху и сарафан.

Петр проводил взглядом ее увесистый зад и довольно

улыбнулся ночным воспоминаниям.

– Ну что? – повернулся он к Ефимьевне. – Сладилось, надо быть? Ох, повертится теперь у меня племянничек Анатолий! Все Славины теперь повертятся! Небось ему столичную невесту уже присмотрели. А делать нечего – придется грех прикрыть, на Феньке жениться. И не видать ему приданого никакого, ну, может, десяток душ отжалею, а тех, что отцом завещано, земель не дам. Ничего, и без них женится, а нет, ославлю на весь уезд!

Тут Петр наконец оторвался от мечтаний и удосужился обратить внимание на хмурое лицо Ефимьевны.

– Ну, чего накуксилась? – спросил настороженно. – Что не так?!

– Да все не так, батюшка Петр Иваныч, все не сладилось, – уныло пробормотала ключница.

– Полно врать! – привскочил он. – Я сам видел, как Фенька туда пошла, а воротилась она лишь под утро, еле живая, я даром что Лушку канителил, все же слышал, как ты охала, да ее поддерживала, да твердила, мол, осторожней, барышня, не споткнись! Видать, крепко ее жеребец Славинский уходил! На рубахе-то следы остались? Под нос ему сунуть, теперь, мол, не отвертишься от женитьбы?

– Ох, все не по-нашему вышло, – тяжело вздохнула Ефимьевна. – За полночь решила это я поглядеть, как там у них, а тут, гляжу, барышня на лестнице сидит, да вся в слезах, едва живехонька. И ну плача рассказывать, как она по вашему

наущению в боковушку пошла, а там... а там...

– Ну, что там? – нетерпеливо спросил Петр. – Да говори, чего солому жуешь?!

– Вы ей сказали, мол, на постель ложись...

– Знаю, что я ей сказал! – гневно воскликнул Петр. – И что?!

– А то, что постель уж занята была!

– Кем?! Я же Лушку нарочно к себе загнал, всю ночь продержал, чтобы никакой ошибки не вышло!

– Да не Лушка с ним была, – вздохнула Ефимьевна, воровато оглядываясь. – Не Лушка, а...

И что-то шепнула на ухо Петру.

Он даже головой затряс от изумления:

– Не может быть! Померещилось Феньке!

– Да не померещилось, батюшка! Я сама потом туда воротилась и поглядела. Луна вышла, и я увидела... Не померещилось!

– Ну и племянничек Анатолий! – простонал Петр. – Ловок, черт! На вороных обошел! Наш пострел и тут поспел! А я-то хотел... Ну, попомнит он меня!

В страшном гневe Петр бросился было к двери, забыв, что раздет, потом, чертыхнувшись, воротился к платью, и тут за окном завопили на разные голоса:

– Мертвяк! Мертвяк явился! Мертвяка принесло!

Ульяша не понимала, снится ли ей, будто кто-то истошно кричит, или в самом деле надрывается-орет женщина:

– Говорила, говорила! Вот! Сызнова бесы лютуют! Не закрестили ворота, вот беды и повадились.

– Отвяжите его, пожалейте лошадь, она совсем взбесилась! – послышался властный мужской голос.

Он показался Ульяше чем-то знакомым, с ним было связано какое-то воспоминание... воспоминание об острой боли, об унижении... Она поморщилась, просыпаясь.

– Ружье мне! – послышался властный крик. – Коли она взбесилась, пристрелю!

Раздались хлесткие удары кнутом, лошадиное ржание, и мужчина снова вскричал:

– Да помилосердствуй, Петр, лошадь-то чем виновата?

Ульяша вскочила с постели и бросилась к окну. Высунулась – да и ахнула, увидав перед собой Волжанку, свою любимую соловую кобылку, которую привезла в Щеглы из самого Чудинова, проделав на ней полдороги в седле. На Волжанке она вчерашним утром отправилась в путь, Ерофей был за кучера. А потом...

Ульяша уставилась в окно. Теперь Волжанка билась в постромках, на которых висели жалкие остатки той самой двуколки, на которой Ульяша выехала из Щеглов. Какой-то че-

ловек крепко вцепился в удила одной рукой, в другой он держал кнут и охаживал им Волжанку.

Ульяша, не помня себя, выскочила в окошко и бросилась к своей несчастной лошади. Кинулась под кнут, нимало не забываясь, что тот сейчас обовьется вокруг ее тела, оттолкнула палача, обхватила морду лошади. И та вмиг затихла, словно впала в обморок от потрясения и неожиданного счастья, увидев хозяйку и почуяв ее защиту.

– Что это значит? – раздался возмущенный голос, и Ульяша оторвалась от взмыленной морды Волжанки, обернулась.

Первым делом она увидела мальчишку, казачка, стоявшего на крыльце и державшего на вытянутых руках двуствольное ружье. Видимо, оно предназначалось черноглазому мужчине, одетому в одну лишь рубаху да штаны, небрежно заправленные в сапоги. Несмотря на всклокоченные черные волосы и неприбранный вид, он был бы красив... но жестокость его взгляда поразила и напугала Ульяшу.

– Не узнал, Петр Иваныч? – ухмыльнулась невзрачная женщина с неприятным лицом и в затрапезной одежде, стоявшая поодаль, по виду ключница. – Это утопленница наша ожившая.

«Вот он, нынешний хозяин Перепечина! – подумала Ульяша. – Это к нему я ехала! Я ним хотела поговорить. Да разве мыслимо сейчас тот разговор затевать, когда я в таком виде! Нет, буду молчать про себя елико возможно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.